

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

УДК 821.161.1

ДИНАМИКА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО КНИЖНИКА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО ТВОРЧЕСТВА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА)

Шунков Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена общей задачей, решаемой сегодня в отечественном литературоведении, – изучение поэтики книжных памятников переходного периода русской литературы. Литературная природа посланий царя Алексея Михайловича демонстрирует подвижность средневековой книжной традиции в условиях исторически меняющегося восприятия мира и человека. Одновременно они демонстрируют и новое эстетическое сознание автора, выражающееся в использовании в литературной практике художественных приемов, раскрепощающих героев в сюжетных сценах эпистолярных сочинениях. Отмеченные в статье приемы, использовавшиеся Алексеем Михайловичем в своей эпистолярной практике, позволяют говорить о царских посланиях как о произведениях, представляющих во второй половине XVII века переходный тип литературного текста.

Ключевые слова: русская литература второй половины XVII века, литературное творчество царя Алексея Михайловича, эпистолярный жанр, литературная традиция Средневековья в условиях перехода к Новому времени.

THE DYNAMICS OF WORLDVIEW IDEAS OF A RUSSIAN SCRIBE IN THE TRANSITIONAL PERIOD (AS AN EXAMPLE OF EPISTOLARY CREATIVITY OF TSAR ALEXEY MIKHAILOVICH)

Shunkov Alexander Victorovich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice-Rector for Research and Innovation, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

This article is devoted to the problem of studying the literary heritage of Tsar Alexey Mikhailovich within processes in Russian literature of the transition period (the second half of the XVII century.) The relevance of the article is determined by the general problem today in the Russian literary criticism, studying the poetics of the literary relics of Russian literature in the transitional period. The subject of a special study is the monarch's epistolary work. These observations complement and extend the understanding of the nature and characteristics of the processes determining the transitional nature of Russian literature in the image of the event and the person. This examination leads to the conclusion that messages of Alexey Mikhailovich were written using medieval literary tradition and innovation of the Tsar as a writer. Literary nature of the messages shows mobility of the medieval book tradition in a historically changing perception of the world and the man. At the same time, they demonstrate a new aesthetic consciousness of the author, expressed by using artistic techniques in the literary practice, liberating characters in the story scenes of the epistolary works. The techniques highlighted

in the article, used by Alexey Mikhailovich in his epistolary practice, allow talking about the Tsar's messages as the works representing the transitional type of a literary text in the second half of the XVII century.

Keywords: Russian literature of the second half of the XVII century, literary works of Tsar Alexey Mikhailovich, epistolary genre, literary tradition of the Middle Ages in the transition to the modern age.

Русская литература, рожденная в лоне Церкви, приняла от Византии и усвоила особую систему христианского мировоззрения, определявшуюся бинарным методом познания мира и человека. К середине XVII века в силу ряда обстоятельств прежняя картина мира и концепция человека, вербализованные в сочинениях древнерусских книжников, существенно были трансформированы. Результатом процессов динамики в культуре и литературе переходного периода стало появление в произведениях новых представлений о мироздании и месте в нем человека [3].

Свидетельством подвижности и неустойчивости мира в прежних его границах в переходный период русской культуры могут также являться полемические столкновения представителей идейных направлений в русской культуре: традиционалистов во главе с протопопом Аввакумом и новаторов, сторонников идей европоцентризма, главным выразителем которых стал Симеон Полоцкий. Идеологический характер и литературно-эстетическая природа сочинений двух антагонистов, их роль в развитии русской культуры переходного времени была показана и объяснена А. М. Панченко, который в одной из своих работ писал: «Это был <...> спор об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении духа и интеллекта, человека и времени, о вечности и бренности, о прошлом, настоящем и будущем» [9, с. 124]. Позиция и аргументы каждой из противоборствующих сторон в общей ситуации идеологического противостояния и отстаивания своей правды свидетельствуют о том, что мир находится в нестабильном положении, перед выбором дальнейшего пути своего развития. Причины потрясений необходимо видеть в складывании новой культурной парадигмы, находившей свое воплощение в новой «литературной формации». Именно по этой причине антиномичность как проявление столкновения двух противоположных и взаимоисключающих идей, приемов, с помощью которых автор воплощает ее в книжном произведении, определяет поэтику произведений русской литературы переходного периода.

Отмеченная особенность характерна и для эпистолярного творчества наиболее ярких исторических фигур эпохи, к числу которых, несомненно, относится и царь Алексей Михайлович. Российские историки XIX века (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров) были единодушны в оценке царя как личности противоречивой по своему характеру. «Среди западников и старозаветных людей, не принадлежа всецело ни к тем, ни к другим, стоит личность самого царя Алексея Михайловича», – так определил местоположение монарха в современной ему истории С. Ф. Платонов [10, с. 410]. «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении», – в таком ракурсе царь был оценен В. О. Ключевским [6, с. 301].

Изучение эпистолярного фонда царя Алексея Михайловича с позиции герменевтики позволяет в рамках творчества одного автора проследить эволюцию мировоззренческих идей в литературе переходного периода, на фоне традиционных средневековых методов создания письменного текста увидеть новаторские приемы в изображении портрета героя, используемые в писательской практике.

Эпистолярное творчество царя Алексея Михайловича условно можно разделить на два периода, каждый из которых отражает его взгляды, выраженные в тексте посланий. Границей между двумя периодами можно назвать историческое событие, которое сыграло особую роль в формировании личности монарха, – это русско-польская война 1654–1667 годов. Роль войны в изменении мировоззрения царя и русского придворного общества была отмечена еще его современниками. Так, англичанин Самуэль Коллинс, находившийся на службе лекарем у Алексея Михайловича, позже писал в своих мемуарах: «С тех пор, как Его Величество был в Польше, видел тамошний

образ жизни и стал подражать Польскому Королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома» [8, с. 207]. Война России с Польшей повлияла как на политический курс страны, так и определила ее новый культурный вектор развития, ориентированный на принятие и усвоение европейской модели мироустройства [17; 16, с. 251–259]. Одним из ее последствий стало то, что «при московском дворе утвердились и элементы культуры Нового времени. Так в стене, отделявшей Московское царство от Запада, была пробита непоправимая брешь. Новшества из-за рубежа подрывали основы традиционного уклада московской жизни» [17, с. 111].

Два этапа эпистолярного творчества царя иллюстрируют смену ценностной парадигмы личностных качеств человека в переходную эпоху, в конечном итоге приводящей к индивидуализации героя в эпистолярных сочинениях монарха. Послания, написанные в конце 40-х – в 50-е годы XVII века, отражают взгляды молодого царя, определяемые еще средневековым подходом в понимании устройства мироздания и места в нем человека. Воспитанный и опекаемый в начале своего правления представителями старой традиции, основанной на принципах византийской патриархальности, Алексей Михайлович и в своих сочинениях последовательно проводит мысль о необходимости соблюдать заветы старины, жить так, как жили отцы и деды. Всякий поступок, выходящий за установленные рамки, ведет к разрушению порядка (чина) и воспринимается как посягательство на установленный Богом закон. Царь несет ответственность перед Всевышним за все деяния, вольно или невольно совершенные его подданными. «Сердце царево в руке Божией» – эта библейская цитата из Книги Притчей Соломона (Притч. 21: 1) будет приводиться в многочисленных царских грамотах как доказательство убежденности в своем мессианском предназначении быть царем православного мира, пастырем и грозным судьей для своих подданных, исполнителем воли Господа на земле: «Рабе Божій, вѣдаеш ли, како от Бога поставленнымъ, а отъ насъ, великого государя <...>, и во учененныхъ надъ людьми Божіими, какое попеченіе имѣти о нихъ и какое вамъ послушаніе къ намъ, царемъ, имѣть»

[5, с. 748]. Поэтому долг подданных – быть покорными воле помазанника Божьего.

Как некое программное сочинение, в котором высказано царем понимание и видение природы царской власти, принципы, на которых должны выстраиваться взаимоотношения между государем и его подданным, может быть названо обширное послание с царскими правками к князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому [5, с. 742–749]: «И въ томъ ты пред Богом <...> солгал, а от насъ вел. Государя, неутаимая хотеть утайть. И так дѣлають недумные и худые люди, а думнымъ нашимъ великого государя людемъ ложно писать не довелось. От вѣка того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему в ратном дѣле в находкахъ и въ потеркахъ писали неправдою и лъгали» [5, с. 743].

Осознание высокой ответственности за свои земные поступки – черта, характеризующая Алексея Михайловича и выражающаяся в использовании в писательской практике речевых оборотов, свойственных книжной традиции Средневековья: «<...> занеже зѣло грѣшень и беспрестани во грѣсѣхъ суетныхъ пребываю и николи же отдохновеніе имать отъ злыхъ грѣхъ своихъ» [5, с. 696]. Заметим, что царь использует устойчивые речевые обороты, призванные подчеркнуть его греховность, не только ради соблюдения литературного этикета и демонстрации его книжной образованности. Использование в писательской практике одних и тех же устойчивых речевых оборотов, подчеркивающих христианскую смиренность и покорность, в данном случае может быть сравнено с молитвенным словом, которому уже имманентно присуща вневременная авторитетность, не зависящая от воли автора.

Именно поэтому можно утверждать, что Алексей Михайлович вполне серьезно воспринимает вводимые им в тексты посланий этикетные речевые обороты, которые прочно укоренены в книжной традиции и порождают у читателя устойчивые смысловые ассоциации. И в данной ситуации «чужое» слово, используемое царем в своей писательской практике, не воспринимается таковым. Наоборот, включенность его в текст демонстрирует одну из особенностей писательского мышления монарха – православный традиционализм, основу которого составляет христианское понимание характера человека, выражаемого

не только через его поступки, но и через слово. Поэтому Алексей Михайлович в своих посланиях характеризует адресата, одинаково оценивая и его дела, и речи. И поступает именно так, как это показано в книгах Священного Писания: «Вспомняни, человекъче, Спасово слово: на кого призрю? На кроткого и смиренного и трепещущего словесъ Моихъ; отъ кого отвращуся? Отъ гордого, немилосердаго, братоненавистца, отъ лживаго и кленущагося во лжу Мною и Моимъ именемъ святымъ» [5, с. 746].

Вместе с тем в посланиях, отредактированных или написанных самим царем, нельзя не заметить совершенно новые риторические приемы, «оживляющие» эпистолярную традицию и передающие уже индивидуальный стиль письма автора. В результате и образы персонажей (адресатов этих посланий) становятся «очеловеченными», с индивидуальными своими характеристиками. И на общем фоне эпистолярного чина подобные примеры текстовых фрагментов предстают уже как явления новой литературной техники в переходный период. Под пером Алексея Михайловича образы героев в его посланиях получают зримыми, выпуклыми, выходящими за рамки средневековой этикетности.

Подобные примеры позволяют наблюдать начало постепенного складывания новой концепции личности автора и героя в русской литературе переходного периода еще задолго до появления представителей русского барокко (Симеон Полоцкий и др.), с именами которых традиционно связывают коренное изменение всей литературной системы во второй половине XVII – начала XVIII века [19, с. 220–231].

Алексей Михайлович отступает от средневековых правил в оценке действий адресата послания и определяет его сущность не через религиозно-этические категории, а на основе наблюдений, позволяющих сделать выводы о природе человеческой личности по его поступкам. Новизна изображения героев эпистолярных сочинений Алексея Михайловича проявляется прежде всего в том, что они выходят в своих поступках за границы привычного «чинного» и «уставного» поведения человека, что не может не вызвать эмоциональной реакции царя, поскольку подобные действия «ябедников, обышных людишек» ведут к нарушению установленного свыше порядка и гармонии. В результате эмоциональной реакции

царя на поступки своих «холопей», «государевых и родословных людей» возникает галерея образов (своего рода парсуны) героев эпистолярных произведений, каждый из которых, несмотря на то, что принадлежит определенному типу (праведник или грешник), обладает своими особыми индивидуальными чертами. И вот в этих моментах уже «ощутима эпоха, канун нового времени с его апелляцией к личности, со стремлением сознательно задействовать внутренние силы и энергию человека» [1, с. 65].

В галерею эпистолярных образов, созданных царем, находят исторические лица, которые могут быть названы героями переходного времени в силу неоднозначного отношения к ним самого царя Алексея Михайловича, персонажи, обладающие чертами характера человека, порожденного особым временем – динамичным и быстро меняющимся. В результате герои эпистолярных сочинений царя Алексея Михайловича предстают как иллюстрации оттенков человеческого характера, порожденного «бунташным веком». Символично, что и сам Алексей Михайлович как в восприятии иностранцев, посетивших Россию во время его правления (Самюэль Коллинс, Август Майерберг, Яков Рейтенфельс, Павел Алеппский), так и соотечественников (Симеон Полоцкий, Григорий Котошихин, протопоп Аввакум) предстал противоречивой фигурой и получал неоднозначные оценки своим поступкам.

Стремясь к соблюдению «чина» как в светской жизни, так и особенно в церковной, Алексей Михайлович особое внимание уделял и словесной стороне ритуализации жизни. Как отмечает Л. И. Сазонова, «торжественный, насыщенный особым рода символикой придворный церемониал, включавший и формы словесности, являлся своеобразной семиотической конструкцией, приводящей в связь различные уровни общественного сознания и культуры. Поведение участников придворного церемониала регулируется риторикой» [15, с. 146]. Однако даже в четко упорядоченном и выстроенном по законам риторики послании сам Алексей Михайлович позволял себе выйти за рамки словесного церемониала. В конечном итоге это приводило к появлению сочинений, обладающих иным звучанием и приближенных к разговорному языку, выражающему естественное отношение автора к герою послания.

Примерами «живых» портретов героев, выходящих за рамки ритуализованного текстового пространства послания, могут быть названы патриарх Иосиф из Статейного списка 1652 года, испытывающий страх и ужас от ожидания наступления своей смерти и тем самым обнажающий свою душу грешника; казначей Савво-Сторожевского монастыря Никита, который, по словам царя, «всбѣсился и задуроваль», растратил монастырские деньги и предался разгону: «Ей, ей, тайной волкъ, а в люди казался простосердымъ обычаемъ» [5, с. 697].

В новой художественной парадигме по сравнению со средневековой традицией находится и собирательный образ московских бояр, упоминающихся в послании к князю А. Н. Трубецкому [5, с. 716] и сопровождающих царя в польском походе. Вводимый в послание художественный образ облака, символизирующий бояр, создан на основе развернутой метафоры и передает типичные, с точки зрения Алексея Михайловича, черты характера: лицемерие, лукавство, корысть: «А у насъ ѣдутъ с нами отнюдь не единодушїем, наипаче двоедушїем, какъ есть **оболока**» [5, с. 716].

Алексей Михайлович как писатель прекрасно чувствовал слово и умело им пользовался в своей практике. В примерах, приводившихся выше, была предоставлена возможность оценки литературных способностей царя в выражении своего мнения и отношения к герою, с использованием приемов риторики средневековой книжной традиции. В то же время царь мог себе позволить отступить от требований формуляра и дать личную оценку герою, не прибегая к этикетным словесным формулам. В таких случаях одним из приемов, которым пользуется Алексей Михайлович, является ирония, в полной мере проявившая себя, например, в послании к Никону, известившем его о смерти патриарха Иосифа.

Однако эпистолярное наследие монарха дает возможность увидеть проявление иронического отношения автора к своим героям и в других посланиях. Так, например, в одном из своих писем к А. С. Матвееву (23 января 1655 года из Вязьмы) Алексей Михайлович не может не рассказать своему ближайшему другу о встрече им шведского посланника, поразившего и удивившего его своей глупостью: «Посланникъ при-

ходилъ отъ Свейсково Карла короля думной человекъ, а имя ему Удде Удла, а таковъ смыслень, и купить ево то дорого дать, что полтина, хотя думной человекъ. Мы, великій государь, въ десеть лѣтъ впервые видимъ таково глупца посланника, а присланъ нарокомъ такой глупецъ...» [5, с. 726]. Царь абсолютно искренен в передаче своего впечатления от произошедшей встречи и считает, что тем самым шведский король показал свое неуважительное отношение к русскому государю: «... хотя и глупъ, да што же дѣлать, така намъ честь» [5, с. 727]. Приведенный пример показателен и в том плане, что имеет двойственный характер: он не только содержит характеристику героя, но и обладает еще зеркальной проекцией на самого автора. Через образ посланника, который в его глазах не отличается большим умом, царь видит и отношение к себе соседей. Алексею Михайловичу ничего не остается делать, как смириться с этим фактом. В своем письме царь жалуется А. С. Матвееву на то, что шведский король (Карл X Густав) в своей грамоте, адресованной русскому царю и переданной через посланника «братомъ не смѣлъ писатца к намъ, великому государю <...>». В совокупности все эти эмоциональные ноты в диапазоне от иронии, юмора и сожаления, звучащие в небольшом фрагменте послания, создают живой образ автора грамоты, не связанного в своем творчестве жанровыми формальностями.

Искренность в выражении своего отношения к герою послания присутствует и в ряде других сочинений Алексея Михайловича. Показательный пример этого – грамота к А. Л. Ордину-Нащокину [5, с. 766–767], написанная в двух разных стилистических традициях. Первая часть грамоты – официальное послание, составленное дьяком с соблюдением формуляра. Вторая же часть является собственноручным текстом Алексея Михайловича, в котором он сразу устраняет дистанцию между собою и адресатом, обращаясь к нему по имени: «Афанасей Лаврентьевичъ! В прежних временах люди говаривали про тебя всяко: да одно у него добро. Богъ де милует да царь жялует, а и нынъ милость Божїя свыше прежнева, а и мы к тебъ всякаго добра желаем...» [5, с. 767]. Подобный прием – отказ от соблюдения формуляра, обращение к адресату не «по чину», а как к близкому человеку, царь использовал

в своей практике. Известно, например, письмо к Афанасию Матюшкину, начинающееся с обращения к нему «Брат!» [2, с. 54].

В другом послании А. И. Матюшкину [2, с. 77–78] царь позволяет себе объединить в одну начальную фразу требования формуляра (как и положено, приводится официальный титул государя) и обращение, демонстрирующее дружеское и ироничное отношение царя к своему адресату и намекающее на событие, по всей видимости, связанное с Матюшкиным на охоте: «От царя и великого князя Алексеѣя Михайловича всея Русиі стольнику нашему Афонасью слепому». Послание известно тем, что в деталях рассказывает о потехе царя – купании в проруби стольников, опаздывающих к смотру. Послание демонстрирует настолько естественное человеческое лицо царя, что оно не могло остаться незамеченным не одним поколением исследователей, интересовавшихся исторической эпохой и личностью Алексея Михайловича, его литературным творчеством³. К высказанным ранее наблюдениям, имеющим отношение к этому посланию, добавим то, что оно органично вписывается в процессы, происходившие в литературе переходного периода, является одной из их иллюстраций. В своем послании Алексей Михайлович, используя разговорный язык, рисует повседневную сторону жизни царя вне парадного церемониала. Небольшое по объему послание тем и ценно, что демонстрирует человеческое начало – художественное открытие русской литературы переходного периода. Герои (и царь, и стольники) незатейливой потехи объединены общим эмоциональным состоянием, что делает их с этой стороны равными.

Одновременно в послании нельзя не заметить и авторской иронии, проявляющейся в описании потехи. В наименовании водоема (пруда) царь использует маркированное слово «Иордань»,

³ Так, например И. Е. Забелин время написания царем письма определил 1653 годом. См.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М., 1872. – Ч. 1. – С. 237. Послание также привлекло внимание и С. М. Соловьева, который увидел в царской потехе «патриархальные отношения <...> без прикрас, во всем своем непригожестве». См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. – М., 1961. – Кн. VI, т. 11–12. – С. 615.

связанное с христианским обрядом Крещения: «Да извещаю тебѣ, што тѣм і тѣшюся, што стольников безпрестани купаю ежеутр в пруде. Иордань хороша здѣлана: человека по четыре і по пяти и по двѣнадцати человек за то, хто не поспеет к моему смотру, так тово і купаю. Да после купанья жалую я: зову их ежеден. У меня купальщики те ядят доволи, и иные говорят: мы де нароком не поспѣем, так де и нас выкупают да і за стол посадят. Многие нароком не поспевают»⁴. В данном случае можно говорить о приеме «пародического использования» в том понимании, как это предлагалось Е. К. Ромодановской: «<...> пародичность – это использование формальных приемов “положительного” образца для внелитературных целей» [14, с. 174]. Одно из посланий царя, принадлежащих к раннему периоду творчества, обладает признаками, сближающими его со смеховой культурой. В их числе: присутствие игрового начала, театральности, проявляющейся и в разыгрываемом представлении среди стольников, и в просьбе, с которой обращается к Матюшкину царь – посетить его семью, предварительно сменив свой наряд, чтобы у сестер сложилось впечатление, что Матюшкин приехал от царя: «Нарядись въ ѣздное платье да съѣзди к сестрам, бутто ты от меня приѣхаль, да спрошай о здоровьѣ, да скожи, што я буду в воскресенья, што будет, а то, кончя (скорее всего, по крайности. – А. Ш.), што в понедельник часу в четвертомъ дни» [2, с. 77].

Таким образом, дружеское послание Алексея Михайловича оказывается показательным примером процессов происходивших в русской литературе второй половины XVII века. Послания царя демонстрируют подвижность средневековой книжной традиции в условиях исторически меняющегося восприятия мира и человека. Одновременно они демонстрируют и новое эстетическое сознание автора, выражающееся в использовании в литературной практике художественных приемов, раскрепощающих героев в сюжетных сценах эпистолярных сочинениях. Отмеченные в статье приемы, использовавшиеся Алексеем Михайловичем в своей эпистолярной практике, позволяют говорить о царских посланиях как о произведениях, представляющих во второй половине XVII века переходный тип литературного текста.

⁴ Российский государственный архив древних актов. – Ф. 27. – Оп. 1. – № 51/1.

Литература

1. Андреев И. Л. Алексей Михайлович: штрихи к портрету // Исторический вестник. Романовы: династия и эпоха. – М., 2013. – Т. 3 [150]. – С. 48–70.
2. Баргнев П. Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856.
3. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. – М., 1977.
4. Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М., 1872. – Ч. 1.
5. Записки отделения русской и славянской археологии. – СПб., 1861. – Т. 2.
6. Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. – М., 1988. – Т. 3.
7. Котшихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1884.
8. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. – М., 1997.
9. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. – СПб., 2005. – С. 81–333.
10. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993.
11. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII века. – СПб., 1898.
12. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, посланца Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. – М., 1874.
13. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему Герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. – М., 1997. – С. 240–406.
14. Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. – Новосибирск, 1994.
15. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. – М., 2006.
16. Севастьянова С. К., Шунков А. В. Русско-польская война и идея власти в России в середине XVII века // Homo communicans II: человек в пространстве межкультурной коммуникации / ред. Кристина Янашек и др. – Szczecin, 2012. – С. 251–259.
17. Седов В. П. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. – СПб., 2008.
18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. – М., 1961. – Кн. VI, т. 11–12.
19. Черная Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половине XVIII века // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII века / ред. А. Н. Робинсон. – М., 1989. – С. 220–231.

References

1. Andreev I.L. Aleksey Mikhaylovich: shtrikhi k portretu [Aleksey Mikhaylovich: finishing touches to the portrait]. *Istoricheskiy vestnik. Romanovy: dinastiya i epokha* [Historical Bulletin. The Romanovs: the dynasty and the era]. Moscow, 2013, vol. 3 [150], pp. 48–70. (In Russ.).
2. Bartenev P. Sobranie pisem tsarya Alekseya Mikhaylovicha [Collection of Letters of Alexei Mikhailovich]. Moscow, 1856. (In Russ.).
3. Demin A.S. Russkaya literatura vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII veka. Novye khudozhestvennye predstavleniya o mire, prirode, cheloveke [Russian literature of the second half of XVII – beginning of XVIII century. New artistic representations of the world, nature and man]. Moscow, 1977. (In Russ.).
4. Zabelin I.E. Opyty izucheniya russkikh drevnostey i istorii [Experience of studying Russian history and antiquities]. Moscow, 1872, part. 1. (In Russ.).
5. Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii [Notes Branch of Russian and Slavic archeology]. St. Petersburg, 1861, vol. 2. (In Russ.).
6. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya [Works]. Moscow, 1988, vol. 3. (In Russ.).
7. Kotshikhin G.K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. St. Petersburg, 1884. (In Russ.).
8. Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone. Sochinenie Samuila Kollinsa, kotoryy devyat' let provel pri Dvore moskovskom i byl vrachom tsarya Alekseya Mikhaylovicha [The current state of Russia, set out in a letter to a friend who lives in London. The writing of Samuel Collins, who spent nine years at the Court of Moscow and was a physician of Tsar Alexei Mikhailovich]. *Utverzhdenie dinastii* [Adoption of the dynasty]. Moscow, 1997. (In Russ.).

9. Panchenko A.M. Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform [Russian culture on the eve of Peter's reforms] *Panchenko A.M. Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus'. Rossiya: istoriya i kul'tura [I emigrated to the ancient Rus'. russian history and culture]*. St. Petersburg, 2005, pp. 81–333. (In Russ.).
10. Platonov S.F. Lektsii po russkoy istorii [Lectures on Russian history]. Moscow, 1993. (In Russ.).
11. Puteshestvie antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Moskvu v seredine XVII veka [Journey of Patriarch Macarius of Antioch in Moscow in the middle of XVII century]. St. Petersburg, 1898. (In Russ.).
12. Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Mayerberga i Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, poslov Avgusteyshego Rimskogo Imperatora Leopol'da k Tsaryu i Velikomu Knyazyu Alekseyu Mikhaylovichu v 1661 godu, opisannoe samim baronom Mayerbergom [Travel to Muscovy of Baron Augustine Mayerberg and Horace William Kalvuchchi, after August Roman Emperor Leopold to the King and Grand Duke Alexei Mikhailovich in 1661, described by Baron Mayerberg]. Moscow, 1874. (In Russ.).
13. Reytenfel's Ya. Skazaniya svetleyshemu Gertsogu Toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii [Tales about Muscovy to High Duke of Tuscany Kozma III]. *Utverzhdenie dinastii [Adoption dynasty]*. Moscow, 1997, pp. 240–406. (In Russ.).
14. Romodanovskaya E.K. russkaya literatura na poroge novogo vremeni. Puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda [Russian literature at the turn of time. Ways of formation of Russian fiction transition]. Novosibirsk, 1994. (In Russ.).
15. Sazonova L.I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya [Russian literary culture. Early Modern Times]. Moscow, 2006. (In Russ.).
16. Sevast'yanova S.K., Shunkov A.V. russko-pol'skaya voyna i ideya vlasti v Rossii v seredine XVII veka [Russian-Polish war and the idea of power in Russia in the middle of the XVII century]. *Homo communicans II: chelovek v prostranstve mezhkul'turnoy kommunikatsii. Red. Kristina Yanashek i dr. [Homo communicans II: the man in the space of intercultural communication. Ed. Christina Yanashek et al.]*. Szczecin, 2012, pp. 251–259. (In Russ.).
17. Sedov V.P. Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiy dvor kontsa XVII veka [Sunset Moscow kingdom: King's yard late XVII century]. St. Petersburg, 2008. (In Russ.).
18. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [History of Russia since ancient times]. Moscow, 1961, part VI, vol. 11–12. (In Russ.).
19. Chernaya L.A. Kontseptsiya lichnosti v russkoy literature vtoroy polovine XVII – pervoy polovine XVIII veka [Concept of personality in Russian literature of the second half of XVII – the first half of the XVIII century]. *Razvitie barokko i zarozhdenie klassitsizma v Rossii XVII – nachala XVIII veka. Red. A. N. Robinson [Development of Baroque classicism and the personality in Russia of the XVII – beginning of the XVIII century. Ed. A.N. Robinson]*. Moscow, 1989, pp. 220–231. (In Russ.).

УДК 811.111